

УДК 323.2

М. С. Арудов

ДИАЛОГ ОБЩЕСТВА И ВЛАСТИ, ИЛИ ПОИСК ГРАЖДАНСКОГО СОГЛАСИЯ

Прежде чем рассмотреть возможность диалога общества и власти, следует определить свое отношение к ключевым понятиям общество и власть. После попыток объяснения сути понятия «общество» в античности (Аристотель) и в средние века (Августин и Фома Аквинский), в последующее время этот вопрос обретает статус политико-философской проблемы. Наиболее адекватное определение понятия «общество» предложил Огюст Конт в своей социологии, рассматривая общество как «совокупность взаимодействия индивидов между собой», ориентированных на осуществление принципа конвенции и вектора одинаковой направленности интересов. Такой подход позволяет развести общество и общность людей, констатировать многообразие интересов людей, которые различаются по степени общности (индивидуальные, корпоративные, общественные); по вектору направленности (экономические, политические, правовые, научные, эстетические, религиозные, экологические и другие); по характеру социальной активности (национальная, государственная, партийная, профсоюзная, конфессиональная); по степени солидарности (стихийная и сознательная); по возможности осуществления (реальная и утопическая); по тенденциям общественного развития (просоциальные, асоциальные, антисоциальные).

А если учесть, что интерес является формой осознанных активностей, которым числа нет, как бездне дна, и выступает побудителем активности людей, то только богатое воображение может представить общество как структурно организованный уровень бытия в мире, который имеет свой особый способ существования, свою форму проявления и свою форму осуществления. Способом существования общества выступает совместная жизнедеятельность людей, преследующих свои интересы, и протекающая в определенном социокультурном пространстве и социальном времени, в его исторической ипостаси.

Жизнедеятельность людей предполагает взаимосвязь, взаимодействие и взаимную ответственность. Осуществление этих трех принципов развития делает общество людей самореализующейся системой, которая предполагает свою систему координат развития по вертикали и горизонтали. Любой перекос в сторону одного из векторов чреват социальными коллизиями.

Вертикаль обеспечивается властью, горизонталь – коммуникативными отношениями людей, больших и малых социальных образований.

В отличие от физического насилия, власть – сила, способная воздействовать на людей, подчинить их своей воле и обеспечить определенный регламент взаимодействия людей по обеспечению их интересов.

В своей эволюции власть прошла путь от власти авторитета к авторитету власти в лице государства. В ярких исторических эпохах значение власти усиливалось, в других – ослабевало, но всегда она была востребована, ибо общество не тождественно общности людей, реализующей принципы солидарности и справедливости.

Значение власти усиливается в условиях переходных периодов, когда происходит смена ценностных ориентиров, когда реальностью являются этапы разрушения, накопления и созидания; когда полноводье разрушительных процессов на определенном этапе надо перевести в русло конструктивных процессов. И решение этой задачи может обеспечить только власть. Этим и определяется актуальность диалога общества и власти в условиях трансформационных процессов, имеющих место в современной Украине и в Крыму.

Целью диалога является поиск гражданского согласия, а средством диалога может быть политика мультикультурализма.

В системе демократических ценностей [1] гражданское согласие занимает особое место. В условиях украинского современного общества гражданское согласие обретает статус ключевой ценности. Оно не только обеспечивает механизм социализации, но и оптимально осуществляет процесс гражданской идентификации. Преодолевая «массовую патологию идентичности» в условиях переходного периода, оно закладывает основания, конструирует предпосылки становления гражданского общества.

В качестве определенной формы гражданского согласия можно рассматривать практику мультикультурализма, ориентированного на обеспечение статуса гражданина. Статус гражданина предполагает:

- сохранение личного достоинства;
- осуществление свободы как осознанной необходимости;
- волеизъявление и самоосуществление;
- сопротивление насилию;
- протест против беззакония (беспредела);
- инакомыслие, неприкосновенность, судебную защиту;
- ориентир на справедливость и солидарность.

Основная идея мультикультурализма заключается в том, что мировоззренческие ориентиры относительны, поэтому ни одну шкалу ценностей, ни один образ жизни нельзя рассматривать в качестве приоритетного. Поскольку современное общество, как правило, характеризуется этническим плюрализмом, конфессиональным разнообразием, социокультурным многообразием, то единого «языка» в области политики и морали нельзя найти и не следует искать. Нужно принимать реальность социальной действительности, как она есть, не навязывая единый канон восприятия мира и определения к нему единственного верного отношения [2].

Основу политики мультикультурализма составляет принцип толерантности. Толерантность (от латинского *tolerantia*) как социально-политический термин обозначает признание одним человеком права другого человека на собственное убеждение (мнение), независимо от различия их интересов. Толерантность – безусловная ценность в условиях социокультурного плюрализма, в обществе разнонаправленных конкурирующих интересов, окрашенных этнической или религиозной нетерпимостью.

И тем не менее о толерантности спорят. Одни сводят толерантность к терпимости, другие высказывают мнение о целесообразности различать терпимость и толерантность. Третьи усматривают в толерантности примирение и капитуляцию. Каждая точка зрения имеет определенное основание, но это основание, возведенное в абсолют, вызывает скорее сомнение, чем доверие. А вот анализ словарных обозначений позволяет сделать вывод о том, что изначально латинское "tolerantia" имело то же значение, что и «терпение» в европейских языках. В лексиконе понятий гражданского общества «терпение» трансформировалось в «терпимость», сохранив за собой смысловое содержание терпения, исключая любые формы униженности или унижения [3, 4].

«Терпеть» не тождественно «страдать», переносить зло. Другими словами, последнее слово всегда остается за принципом конкретности истины, когда обстоятельства заставляют не просто «страдать», терпеть зло, а делать выбор в соотношении «непротивление злу силой» и «сопротивления злу силою».

Толерантность как одна из ценностей гражданского общества противостоит не только всевластию государства, но и любым формам анархизма, любым формам беспредела. Насколько важна эта ценность современного общества, свидетельствует тот факт, что 1995 год был объявлен ЮНЕСКО годом толерантности. Она задает ту особую сферу отношений, в которой люди заявляют о том, что они выше политики, они вне национальных и вне религиозных направлений, ориентированных на интеграцию «своих» через противостояние с «чужими». Люди, разделяющие принцип толерантности, не нуждаются в праве, как воле господствующего класса, возведенной в закон. Они предпочитают закон, стоящий на страже прав человека плюралистического общества, которое допускает в пределах закона многообразие политических, национальных, религиозных и социокультурных форм самоопределения.

Терпимое общество (толерантное общество) не допускает предвзятости или дискриминации, т. е. неуважения, понижения в правах, подавления и т. д.

Но терпимость (толерантность) как ценность гражданского общества существует не сама по себе, а только через свое проявление в конкретном самоопределении личности, через установление ее идентичности. И в этом смысле терпимость выступает индивидуальной добродетелью или качеством, которое проявляется в отношениях с другими.

В проявлении толерантности в отношениях с другими могут присутствовать три позиции:

- Сознательное подавление чувства неприятия другого. Это очень важная процедура, если учесть, что неприятие и отторжение чужого – это естественная реакция и человека, и его организма.

- Признание права другого на сохранение своей самобытности в отношениях, когда вольно или невольно происходит вторжение в культурное пространство другого, и этот другой может реализовать право на свободу самовыражения, проявлением которого является, в первую очередь, свобода слова.

- Уважительное отношение к самобытности другого, принятие права другого быть другим и оставаться другим сообразно с его ценностями и предпочтениями.

За этими позициями проявления толерантности просматриваются три аксиомы великого гуманиста Иммануила Канта:

- поступай так, чтобы правило твоего поведения могло стать правилом для всех;
- в своих поступках исходи из того, что всякий другой человек является высшей ценностью, и его нельзя рассматривать как средство;
- все поступки должны быть ориентированы на благо.

Толерантность – важнейшая ценность гражданского общества, ибо терпение – не только надежда на справедливость, смирение, но и позволение другому осуществить право на свое самоосуществление. Под толерантностью понимается уважение к чужому мнению, к различным формам самовыражения и проявление индивидуальности на основе признания прав и свобод человека. Без реализации принципа толерантности все заявления о гражданском согласии носят декларативный характер, а все усилия по пробуждению гражданского общества тщетны.

Толерантность – это принцип поведения людей, который родился не в кабинете мыслителя. Он был выстрадан, и первый шаг его становления, первая опредмеченная форма идеи толерантности имеет знаковый смысл. Это веротерпимость, которая на порядок выше любого проявления фанатизма или усилий атеизма.

Веротерпимость утверждается ссылками на общегуманистическое содержание Священного Писания. Для Бога нет разницы, кто стоит перед ним. Он судит каждого не за национальность, а за меру исполнения закона: исполняет ли он закон или попирает его. Ради утверждения терпимости представителям протестантизма и представителям традиционного католицизма предлагалось забыть о догматических разногласиях и помнить об основах христианской идеи, суть которой представлена любовью к ближнему и милосердием.

Следующий шаг утверждения терпимости в качестве принципа толерантности был осуществлен в отношениях церкви и государства. В процессе становления абсолютистских государств в Европе принцип толерантности регулировал отношения между абсолютной политической властью и институтом церкви.

Позже, с развитием либеральной идеологии и становлением буржуазных общественных отношений, этот принцип становится базовым для реализации отношений между людьми в обществе. Терпимость морально смягчает индивидуальные различия, связанные с этнической и конфессиональной принадлежностью, полом и возрастом, материальным и социальным положением в обществе.

Благодаря усилиям мыслителей эпохи Просвещения, особенно Вольтера (см.: «Кандид, или Оптимизм», «Трактат о веротерпимости») понятие терпимости входит в политический словарь.

Обладая мужеством и воображением и сам страдая от нетерпимости, наглости и всевластия сильных мира сего, Франсуа Мари Аруэ, известный под псевдонимом Вольтер, стал убежденным и упорным противником всякого фанатизма и деспотизма. Как буржуа и деловой человек, он восхищался государственным устройством Англии, «нации торговцев». Поскольку талант, изобретательность и деловые качества помогли ему нажить солидное состояние, Вольтер никогда не мог стать революционером. Как никто другой из писателей, он будет оказывать огромное влияние на людей не только своего времени, но и последующих столетий.

Вольтер рассматривает терпимость как достояние человечества. В «Философском словаре» Вольтер сетует по поводу того, что все мы слабы и полны заблуждений, а посему способность взаимно прощать друг другу наши глупости считает первым естественным законом. Наше сознание ограничено, и мы все подвержены ошибкам – в этом коренится довод в пользу взаимной терпимости. Мы должны быть взаимно терпимыми, ибо все мы слабы, непоследовательны, подвержены непостоянству и заблуждениям. «Может быть, камыш, согнутый ветром над топью, должен сказать своему соседу, такой же тростинке, но наклоненной в противоположную сторону: «сгибайся, как я, несчастный, или я донесу, чтобы тебя вырвали с корнем и сожгли!»?» Нетерпимость переплетается с тиранией, а тиран – это правитель, не признающий иных законов, кроме своих прихотей [5, с. 524-528].

Свой вклад в обоснование необходимости мирного сосуществования разных мнений в общественной жизни и утверждении принципа толерантности внес Готхольд Эфраим Лессинг, автор «Натана Мудрого» (философской притчи о терпимости). Для Лессинга иудаизм – это «детский букварь» общей педагогической деятельности человечества, христианство и ислам – уже зрелая педагогика. Но, в конце концов, все религии откровения исчезнут, когда о себе заявит рациональная независимая этика с ориентиром на утверждение принципа терпимости к другому, даже если он демонстрирует иное социокультурное пространство как форму проявления своей жизнедеятельности [5, с. 607-608].

В последующее время терпимость обретает статус способности выбора между альтернативными точками зрения и способами поведения в рамках закона.

Еще одно измерение принципа терпимости обнаруживается уже в XX веке. Мощное движение за гражданское равноправие в Америке обусловило необходимость переосмыслить терпимость в отношении расовых и этнических различий.

Но, как и в далеком вчера, социальной проблемой является не столько терпимость, сколько нетерпимость. Ее истоки коренятся в психике человека. Любой чужой, как правило, вызывает опасения, воспринимается как источник дискомфорта. Неоправданную настороженность к чужому особенно проявляют люди консервативного склада, инерционного типа.

Нетерпимость может усиливаться и через неадекватное чувство собственного достоинства, и заявкой на исключительность. Этот своеобразный эгоцентризм может существенно усиливаться на уровне противостояния идей и убеждений, когда предается забвению, что истина рождается не в споре, а в совместном движении к ней, ибо истина одна, и никто не обладает монополией на истину.

Но и терпимость имеет свой проблемный характер, который проявляется через определение меры терпимости, установление ее границ.

Свое выражение терпимость находит в снисходительности, в прощении. Но практика сплошь и рядом демонстрирует, что снисходительность зачастую является нарушением административного права, что влечет за собой соответствующие санкции.

Прощение – это больше, чем забвение. Забыть можно, проявив равнодушие или презрение к тому, кто совершил недостойный поступок. В презрении я не считаю другого достойным внимания, в равнодушии я не замечаю другого. Что касается

прощения, то это не только забвение обиды, но и согласие на мир, не говоря о том, что прощение обязывает не судить другого и не навязывать ему свое мнение.

Кроме того, прощение обязательно, но не абсолютно. Оно предполагает гарантии, что другой (чужой) раскаивается и желает восстановления мира.

Прощать – это не значит забывать, не учитывать приобретенный опыт.

И, наконец, есть ли предел прощению? Можно ли прощать непростительное? Имею ли я право прощать обиды, нанесенные не мне лично, но моим близким? И как быть в ситуации, когда прощение рассматривается как попустительство?

Эти и другие вопросы свидетельствуют, что идея терпимости проста и прозрачна, чего не скажешь о ее осуществлении. Последнее еще раз подчеркивает методологическую значимость одного из принципов гносеологии – принцип конкретности истины.

Причиной непримиримости может быть эгоцентризм, догматизм ограниченность, зависть, обида. Только самоанализ и оценка на адекватность могут определить как меру толерантности и способности к снисхождению, милосердию и прощению, так и меру готовности противостоять злу, решив проблему конкретного соотношения «непротивления злу силою» и «сопротивления злу насилею».

Противостоять злу необходимо, как необходимо и сохранять приверженность справедливости. Не следует приумножать зло, необоснованно прибегая к силе. А прибегая по необходимости к силе, следует помнить об опасности «заражения злом», о том, что в активном противостоянии победителя не бывает.

От теории мультикультурализма можно перейти и к практике, рассмотрев его возможности в условиях Крыма, который демонстрирует все богатство социокультурного многообразия.

Крым – это многосемейная коммунальная квартира, где соседи не выбирают, а принимают таким, какой он есть. Жить в едином пространстве совсем не просто, ибо любое движение, жест, слово сопряжены с проникновением в культурное пространство другого человека.

И надо овладевать искусством компромисса, учиться идти не рядом, а навстречу друг другу. И не нужно в этой ситуации изобретать «велосипед» или переоткрывать Америку. Нужно осваивать теорию и практику политики мультикультурализма, которая хорошо себя зарекомендовала в ряде стран Старого и Нового света. И речь идет о том, чтобы не копировать чужой опыт, а учиться преломлять его через призму своей специфики.

Особенностью Крыма является то, что на его территории сложилась уникальная культура крымчан, в рамках которой формировались общие традиции, общезначимые ценности, складывалось уважительное отношение к профессиональному и этническому своеобразию. Это не означает, что в рамках этой культуры не было проблем, коллизий. Но не они определяли общественную жизнь Крыма. Статус крымчанина был больше, чем статус русского или украинца, татарина или караима, еврея или грека.

Последовавшая депортация крымских татар – это осознанная или неосознанная трагедия всех крымчан. Нет больше той уникальной культуры, которая не просто создавала жизненное пространство крымчан, но и обеспечивала оптимальное реше-

ние их проблем. И эту культуру нельзя восстановить только возвращением депортированного народа на его Родину, как нельзя реанимировать организм, когда в нем обозначились необратимые изменения.

Ситуация кардинально изменилась. Возвращение крымскотатарского народа актуализировало проблему сосуществования людей различной национальной и религиозной принадлежности в едином жизненном пространстве.

Эту проблему можно решать по-разному, в том числе с позиции политики мультикультурализма, которая ориентирована на разрешение противоречия между желанием этнических общностей сохранить свою идентичность и необходимостью государства обеспечить целостность общего пространства,

Аксиомой этой политики является положение о том, что различные этнические группы могут быть инкорпорированы в единое общество без утраты своих национальных особенностей, без ограничения своих прав.

Практика мультикультурализма – это «средний путь», который позволяет формировать цивилизованное пространство, не разрушая традиционных оснований сложившихся культур. Но это возможно только в условиях подлинного диалога культур.

Диалог является возможным и необходимым, ибо разные культуры в общем пространстве неизбежно вступают в контакт. А вот конструктивность диалога зависит от авторитета власти, от того, насколько государственность Крыма способна создать благоприятные условия для осуществления этого диалога.

Реальность автономии Крыма и его финансирование по остаточному принципу вызывают сомнение в возможностях крымской государственности реализовать статус «третьего судьи».

Ситуация усугубляется еще и тем, что практику мультикультурализма, который хорошо зарекомендовал себя в рамках традиционной новоевропейской цивилизации, надо еще осваивать и политику, и обывателю.

Но выяснение отношений между ветвями власти и отсутствие стабильной социальной политики в Крыму исключают возможность успешного освоения чужого опыта с учетом своей специфики, когда в качестве ориентира выступает не перспектива, а принцип «здесь и только сейчас».

Реальностью Крыма является социокультурный плюрализм, который порождает особое социальное пространство, где этнические образования явочным порядком берут на себя некоторые функции государства. «Государственное» право теряет свою эффективность, ибо защищаемая им «средняя» норма справедливости не устраивает ни один субъект социальной активности. И тогда социокультурные общности, апеллируя к «обычному» праву, берут на себя ответственность за жизнедеятельность своего социального представительства и пытаются обеспечить общественную справедливость на локальном уровне.

Такое положение чревато негативными последствиями неконтролируемого отношения к освоению природы, росту населения, стихии рыночных отношений, очагам национальной и религиозной нетерпимости. Кроме того, восприятие справедливости на локальном уровне для одних является благом, а другими образованиями может восприниматься как зло.

В условиях ограниченного осуществления государственной власти от всех участников социальной активности требуется не только реализация принципа толерантности в пределах единого жизненного пространства, но и высокая ответственность за прямые и косвенные последствия того, что они делают.

Осуществление политики мультикультурализма возможно лишь в случае осознания причастности людей различных национальностей к единому целому как генератору общего интереса.

Таким целым является, в первую очередь, территориальная целостность Крыма как условие проявления и осуществления жизнедеятельности людей, независимо от их национальной и религиозной принадлежности.

Ответственность за общий «дом» предполагает особое единство в статусе «Мы», другими словами, солидарность. Но именно солидарность и является проблематичной в ситуации социокультурного плюрализма. Как уже отмечалось выше, плюрализм более демократичен, чем монизм. Ему изначально присущ компромисс.

Плюрализм не исключает, а даже предполагает идентификацию людей к различным социальным образованиям, когда люди разных культур оказываются в одной политической партии, принадлежат к одной конфессии, работают на одном предприятии, болеют за одну футбольную команду, предпочитают один стиль одежды, живут в границах одной ойкумены. К этому следует добавить образы общего врага, каковыми являются стихия рынка, коррумпированные чиновники, преступный мир, беззаконие и беспредел.

И тем не менее социокультурный плюрализм чреват потенциальными коллизиями, ибо даже малое солидарное «Мы» укрепляется через отношение к другому. Причем другое рассматривается как чужое, со всеми вытекающими обстоятельствами.

Проблема заключается в том, чтобы выработать механизм достижения гражданского согласия, обеспечить условия формирования общественной справедливости, превосходящей авторитетность локальных образований.

Из имеющихся социальных различий культурные различия – наиболее глубокие. Это последний оплот индивидуальности, вторжение в который рассматривается как покушение на самое святое право человека быть собой, а не таким, как другие. Одна культура не может быть лучше или хуже другой. Поскольку по своей сути все культуры разные, то это ведет к конфликтам. И они, как правило, являются самыми жестокими, бессмысленными и деструктивными, ибо ни одна из сторон не желает поступиться своими принципами, рассматривая их как смысл своего существования.

Мир и благополучие социокультурного плюрализма в Крыму зависят от того, удастся ли выработать такую модель человеческого общежития, которая гарантировала бы солидарность на всех уровнях социального бытия и не вступала бы в противоречие со стандартами общественной справедливости, присущими тем социокультурным образованиям, которые волею судьбы оказались в едином жизненном пространстве.

Эта модель должна принимать во внимание различие языков, особое концептуальное восприятие пространства и времени, справедливости и равенства, взаимосвязи добра и зла, прекрасного и безобразного, другими словами, принимать во внимание различия каждой культуры.

Что касается института государства, то оно должно стоять над проблемной ситуацией, не принимая чью-либо сторону. Оно обязано обеспечивать политику мультикультурализма как политику бесконфликтного сосуществования людей различной национальной и религиозной принадлежности, не превращаясь в самоценность.

К сожалению, крымская государственность не составляет исключения. Ее рабочим инструментом выступает не бюрократия, а бюрократизм. Последний демонстрирует систему самообеспечения. В таких условиях государство теряет способность осуществлять статус гаранта гражданского согласия. Ситуацию отчасти спасает самоуправление как дополнительный фактор становления гражданского согласия, реализуя потенциал общей воли людей данной территориальной целостности и препятствуя инверсии бюрократии в бюрократизм. Хотя и самоуправление, особенно в фазе своего становления, проблематично, требует внимания как на теоретическом, так и практическом уровнях.

В качестве **вывода** следует отметить,

- что политика мультикультурализма в Крыму необходима, но вряд ли возможна в условиях политической нестабильности и нищеты, усиливающих противоречия социальной системы;
- эту политику следует осваивать сверху и снизу, изучая чужой опыт с учетом своей специфики;
- решающая роль в осуществлении политики мультикультурализма принадлежит крымской государственности и самоуправлению, реализующим не механическую, а органическую связь в творческом тандеме;
- теория и практика мультикультурализма должны стать предметом особого спецкурса в высших и средних учебных заведениях. Политику мультикультурализма следует осваивать как составляющую общей культуры, преодолевая политическую неграмотность и правовое невежество людей, плохо знающих легитимные средства осуществления своей свободы, своих прав и принимающих любые формы притеснения как норму;
- Крым является для Украины своеобразным полигоном, на котором можно проверить эффективность политики мультикультурализма с учетом специфики местных условий;
- достигнутое гражданское согласие может стать предпосылкой, условием становления гражданского общества, которое обеспечивается самоорганизацией в условиях, где не общество служит власти, а власть обслуживает общество;
- диалог, разумный компромисс обеспечат будущее Крыма, где уже сейчас протекает уникальный процесс формирования культуры крымского сообщества и его государственности. И этот процесс нельзя ни ускорять, ни тормозить. Его можно только холить и лелеять, помня о том, что процветание и благополучие крымчан только в единстве, в рамках единого жизненного пространства.

Таким образом, политика мультикультурализма имеет собственные проблемы,

которые нуждаются в рассмотрении и разрешении, если политика мультикультурализма рассматривается как инструмент диалога с ориентиром на достижение гражданского согласия в условиях социокультурного плюрализма, а не является средством декларации, разменной монетой в политических играх.

Список литературы

1. Гражданское общество: истоки и современность / Под ред. И. И. Кального – СПб, 1996.
2. Бистрицкий С. Конфлікт культур і філософія толерантності // Політична думка №1, 1997. – С. 3-21.
3. Апресян Р. Г. Толерантность и ценности гражданского общества//Ценности гражданского общества и личность. – М., 2001. С. 105-118.
4. Моруа А. Три Дюма: Литературные портреты. – К., 1988. С. 369-378.
5. Западная философия от истоков до наших дней. Том 3. – СПб., 1996. – 980 с.
6. Идентичность и толерантность. М., 2002. – 342 с.

Поступило в редакцию 1 июня 2004 г.